

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Д42

Raphaëlle Giordano
CUPIDON A DES AILES EN CARTON

© 2019 Éditions Plon, Paris, France
© 2019 Éditions Eyrolles, Paris, France

Джордано, Рафаэлла.
Д42 У Купидона картонные крылья / Рафаэлла Джордано ; [пер. с фр. Е. Вестратенко]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Карамельный шар. Истории перемен).

ISBN 978-5-04-101603-6

Совместить приятное с полезным бывает непросто, но Рафаэлле Джордано это удалось. Трогательный роман, искусно переключаящийся в этой книге с мотивами личного тренинга, — особая черта всех книг автора. Вместе с главной героиней Мерedit вы отправитесь в увлекательное путешествие, задача которого заключается в развитии способности любить: любить себя, близких и мир вокруг. Погрузившись в эту историю, вы научитесь снисходительности к собственным ошибкам и прошлому, обретете эмоциональную независимость и найдете ритм жизни, подходящий именно вам.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-101603-6

© Вестратенко Е.А., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Все что происходит в романе, –
вымысел автора, любые сходства
с реальными людьми (кроме персонажа
Ника Джентри) случайны*

*А если секрет Великой Любви состоит
в том, чтобы суметь протянуть другому
зеркало с самым прекрасным, что в нем есть?*

Глагол «любить» трудно спрягать:
прошедшее время — сложное,
настоящее лишь ориентировочно,
а будущее — всегда условно.

Жан Кокто

Ни одно слово не может быть слишком
громким или безумным,
если речь идет о ней.
Я думаю о ее платье, сотканном из облаков.
И я заставлю ангелов завидовать ее крыльям,
А ласточек — ее драгоценностям.
Даже цветы на земле чувствуют себя изгнанными.

Луи Арагон, «Глаза Эльзы»

ПАРИЖ

Сцена 1

Мерedit

Продуманная красота, атласный жемчужный цвет, элегантная печать. Приглашение. Имя Антуана набрано золотыми буквами курсивом. Мое имя там вовсе не фигурирует. Гостям, которых приводят с собой, особого значения не придают. Антуан поворачивается ко мне и улыбается, отвлекает меня от бессознательных мыслей. С того момента, как мы сели в этот черный седан с тонированными окнами, мы не перекинулись ни словом, но его рука меня не покидала, и только это нежное объятие дает мне достаточную силу встретить грядущий вечер. Перенести его.

Шофер открывает двери, и Антуан галантно протягивает мне свою руку. Это целое искусство — первый шаг, сделанный из машины в длинном платье; меховая перелина спущена, и опасно неустойчивы каблукы. Собираются гости. Каждый сначала предстает перед хозяевами, отмечаящими имена приглашенных, которым разрешено проникнуть в престижное общество.

РАФАЭЛЛА ДЖОРДАНО

Хозяйка улыбается Антуану своей белоснежной улыбкой — возможно ли иметь такие зубы? — затем она поворачивается ко мне и бросает вопросительный взгляд, который тут же воскрешает во мне боязнь быть уличенной.

— А вы, мадам...

Антуан отмечает вопрос проворным жестом.

— Она со мной.

— В таком случае...

Она пропускает нас и желает мне хорошего вечера с несколько вычурной вежливостью, которая меня ужасно раздражает.

Это вечер меценатства. Очередной ужин в пользу сохранения культурного и художественного наследия. Все сливки общества здесь. Приглашенные из самых разных уголков планеты. Столпы общества, политики, светские львы и львицы, наследники, акулы бизнеса, интеллектуалы, артисты. И я, я, я... всего лишь малышка я.

Вот уже более получаса мы дегустируем этот приветственный коктейль — бокалы шампанского в руках и косые оценивающие взгляды, нацеленные скорее на то, чтобы узнать о тебе побольше, нежели просто поздороваться.

Антуан тут как рыба в воде. Привычка. Учитывая его старания на посту, которого он так страстно добивался, — на самой крупной радиостанции Франции, — он всюду вхож.

— Все в порядке, любовь моя? — шепчет он мне с притворным дыханием.

Откуда взять мужество вывести его из заблуждения? Ему по душе, что я его сопровождаю, но, кажется, он слишком горд, чтобы представить меня.

У Купидона картонные крылья

К нам приближается пара. Я узнаю популярную телеведущую и — за руку с ней — известного спортсмена.

— Антуан!

Тысяча фальшивых излияний — их даже перечислить трудно. Наконец, мое присутствие замечают — я удостоена вопросительного взгляда, кто это там?

— Это моя подруга Мередит, — объявляет с гордостью Антуан.

Теледива осматривает меня с головы до ног. Она ищет на жестком диске своей памяти ассоциации меня хоть с кем-нибудь, кого она знает. Никакого результата.

— Чем вы занимаетесь, Мередит?

— Я актриса комедии... Стендап.

Делаю вид, что не замечаю сарказма в стиле «а, ну ясно», который за этим последовал. Она прищурила свои желчные глаза:

— И где вы играли?

Бинго. Краснею как рак.

Дива вонзает еще несколько ножей в мои комплексы — что, кажется, доставляет ей немалое удовольствие. Почему бы ей не зарабатывать на этом развлечении — в момент приветствия открывать охоту на врага, а такой всегда найдется в этом светском обществе.

Подвожу черту разговора тем, что залпом выпиваю бокал шампанского. Наконец сообщают об ужине.

Разумеется, меня не посадили рядом с Антуаном. Он бросает на меня сочувствующий опечаленный взгляд, сидя по ту сторону стола. Стол декорирован букетами, лишаящими любой возможности поговорить. Моя единствен-

РАФАЭЛЛА ДЖОРДАНО

ная надежда на общение — сосед справа и сосед слева. С одной стороны — монументальная фигура, повернутая ко мне спиной, что оставляет альтернативу общаться лишь с затылком, прикрытым шиньоном. С другой — седовласый месье не первой молодости, уверенный в своих правах на фамильярное общение.

Сначала я сопротивляюсь его похотливым атакам, но затем, выбрав минутку, покидаю стол, чтобы скрыться в безлюдном туалете. Вот бы больше не выходить отсюда.. Но мое уединение длится недолго — входят две женщины. Поправляя макияж, они без умолку болтают. Я узнаю голос ведущей. Все как в сцене, вырванной из дешевого фильма. Ведущая не оставляет мне никакой надежды: «Милая девушка, но лишь актриска второго сорта. Выкрутилась, отыскав хорошую партию...»

Меня вот-вот стошнит. Через пару минут, которые кажутся вечностью, они наконец уходят. Насчет плохой актрисы они ошиблись: когда я присоединяюсь к улыбающемуся Антуану, я превосходно вхожу в свою роль. Он ничего не заметил.

Сцена 2

Меридит

Я толкаю двери салона красоты, расположенного в улочке моего квартала, на окраине 19-го округа Парижа. Вот уже несколько дней в голове вертелась одна и та же мысль: мне срочно нужен массаж. Напряжение в спине стало невыносимым, и мне это знакомо, как никому другому, — тело не лжет. Там, на этом званом вечере, всплыли на поверхность вещи, которые я предпочла бы оставить на дне. Теперь они открылись, и больше ничего не повернуть назад.

Салон маленький, но здесь все сделано для души и тела: декорации продуманы со вкусом и утонченностью. Одно только название — «Ламай» — сражает меня наповал: так же называется пляж в райском месте, на острове Самуй. И так же зовут массажистку, которая должна привести меня в чувство.

Молодая женщина ведет меня в комнату. Голова Будды, свечи и атмосферная музыка, приглушенный свет. Мой разум соглашается на путешествие, обещающее отдых. Я быстро скидываю одежду.

РАФАЭЛЛА ДЖОРДАНО

Ламай стучится в дверь. Мягкость ее голоса, глаз, жестов успокаивают меня мгновенно. Она улыбается, приглашает лечь. Аромат эфирных масел телепортирует меня в другое измерение.

Снимая напряжение моего тела, Ламай осторожно выводит меня на разговор, чтобы я еще и выговорилась.

— Я больше не знаю, где я нахожусь, — слышу себя. — Я переживаю тяжелый период в моей жизни.

Сначала мне сложно выдавить из себя и слово. Но, все больше отдаваясь удовольствию, я начинаю сдаваться.

— Я люблю... мужчину. Но... Это странно. Я не могу, несмотря ни на что, почувствовать себя в своей тарелке. Он... Он тоже меня любит. Взаимной любовью, что случается редко, вы не находите?

Ламай молча соглашается — главное, не перебивать мою исповедь лишними словами. У нее это вошло в привычку — слушать незнакомцев, разделять состояние их души. И я позволяю себе воспользоваться благосклонностью ее внимания.

— Вы понимаете... У меня нет причин собой гордиться. У меня чувство, будто я никто.

— Как это — никто? — удивляется Ламай

— Ну, он уже сорвал большой куш — он очень успешен. Я же только у истоков своей карьеры. И, кто знает, выйду ли я когда-нибудь из тени...

— Если вы позволите, вы уже кое-чем являетесь.

Я вздыхаю, раздираемая изнутри.

— Да, но не той, кем я мечтаю быть. У меня ощущение, будто я только набросок, эскиз самой себя, понимаете?

У Купидона картонные крылья

В темноте у меня появилось ощущение, что массажистка улыбнулась.

— В Азии мы очень чувствительны к шарму незаконченности...

Как красиво звучит — шарм незаконченности. Но я не хочу просто существовать в его глазах. У меня нет ни малейшего желания зависеть от него, чтобы почувствовать себя живой!

— Пока ты не нашел сам себя, трудно любить другого человека.

Слова Ламай на секунду зависают в воздухе и находят во мне особенный отклик.

Сеанс подходит к концу, массажистка исчезает, оставив меня одну в комнате, обитой войлоком. Я прихожу в себя. Вспоминаю о нескольких мужчинах до Антуана, о неудачных отношениях, испорченных по причине моих сомнений и скрытых комплексов.

А что, если моей истории с Антуаном подготовлена та же участь? Я стараюсь себя контролировать. Нет. Я *слишком* его люблю. Я должна найти средство начать жить самостоятельно.

Но как?

Когда я одеваюсь, идея — нелепая и рисковая — медленно забирается ко мне в голову.

Сцена 3

Антуан

Она сказала мне: «Мне нужно с тобой поговорить». Обычно это не предвещает ничего хорошего, когда твоя вторая половинка произносит такую фразу. Но я не уделил этому никакого внимания. Так как я тоже должен был с ней поговорить. Весь в радостном ожидании сюрприза, который я хотел ей сделать, я не ощутил приближения бури.

Было уже шесть часов, но уже в другой жизни.

Мередит и я сидим за накрытым столом. Пузырьки шампанского, лосось, свечи... Романтичная обстановка у меня дома, который должен был стать для нас общим, теперь кажется смешной. Я был в двух шагах, чтобы предложить ей ключи, чтобы она переехала ко мне, — красивый жест моего перед ней обязательства.

Обязательство. Может быть, именно это и выбивает ее из колеи.

Мередит не готова. Это то, что она пытается мне объяснить. Она говорит мягко, но это не может сгладить мою боль.

У Купидона картонные крылья

Она хочет подождать, чтобы найти себя, свой путь — и снова вернуться ко мне.

Ее предложение — сделать что-то вроде паузы, паузы для меня, для нас, для нашей любви... Как если бы можно было сделать паузу для скопившихся вопросов...

Я отчетливо понимаю, что это означает отдалиться от меня. И... не понимаю ничего. Недоверчиво смотрю на ее двигающиеся губы, которые говорят о страсти, влечении, которое она испытывает ко мне. Точно. Каждое слово как крик сердца. Ей тоже больно. Так для чего все это?

Словно загипнотизированная собственной речью, она говорит и говорит. Что она хочет быть на высоте нашей любви. Что для нее это история Любви с большой буквы, что она должна быть к ней готова... Сравнивает себя со мной — ей кажется, что она лишь набросок, а мысль о том, что она может так и остаться наброском, для нее невыносима.

Я хочу остановить ее, сказать, что она ошибается, но как, как бороться против этих убеждений, въевшихся в кожу? Она уверена, что отсутствие самоуважения с ее стороны разрушит наши отношения. Она аргументирует: «У тебя все есть: уважение, признание. Ты — продюсер передач, которые уже завоевали место». Возвращается к тому вечеру, говорит, что ей все это было неприятно. Что ее «ядовито» спросили, где она играет, что она не может терпеть эти скрытые усмешки, адресованные ей.

Комплекс неполноценности, который она тащит за собой, как огромный медный шар, уже многие годы, с тех пор как ее мещанская семья из провинции охладела

РАФАЭЛЛА ДЖОРДАНО

к ней, узнав, что она хочет быть актрисой; это преследует ее безостановочно.

Я напрасно стараюсь сказать ей, что я в нее верю, даже если она пока не построила свою карьеру. Нет, по ее словам, она хочет стать кем-то до того, как броситься с головой в отношения с одним-единственным человеком. Единственный — это я. Но $1+1=3$, неужели она до сих пор в это не верит?

Я хотел сказать ей, что это смешно. Что в ней нет ни капли эмоциональной зрелости, хотя пора бы уже. И правда, ей с трудом можно дать 32 года — с ее-то детскими причудами, которые она пытается спрятать под маской взрослого. Эти ее мятежные веснушки, этот живой отвратительный характер, ее желания принцессы на горошине... А приступы безумного смеха, который я люблю вызывать, изображая петуха, клюющего зернышки? Ее смех привносит краски и смысл в мою жизнь, в мои дни и больше всего в мои ночи... Ее велюровая кожа, которую я ласкал бы до «ночи времен», как у безумного Баржавеля¹.

Безумный, точно безумный. Только я.

Жилка на моем лбу демонстрирует уровень моего бедствия.

Я смотрю на нее, на эту идиотку, больную, шарлатанку, мою любовь. Какая она красивая, когда сходит с ума.

¹ Имеется в виду фантастический роман Рене Баржавеля «Ночь времен» (1968). В русском переводе роман вышел под названием «В глубь времен». — *Здесь и далее примеч. ред.*